

Моя любимая морячка

Моё знакомство с Ниной произошло на танцах в Доме офицеров посёлка Роста, под Мурманском, где крейсер «Железняков», на котором я служил комбатом, находился в гарантийном ремонте. А Нина по распределению приехала сюда из Ленинграда и преподавала литературу и русский язык в школе рабочей молодёжи. По календарю начиналась весна, а вдоль «мостков тесовых», по которым мы шли из школы в ДОФ, где по ночам демонстрировался трофейный многосерийный «Тарзан», возвышались снежные сугробы.

В первые мгновения меня охватило непонятное смещение, даже робость. «Взглядом очей своих серых сердце пленила моё», – появилось в стихотворении, которое я написал ночью, стоя на вахте. Чувства, нахлынувшие на меня, были настолько волнующе-возвышенны, что пробудили у меня тягу к стихосложению. В течение месяца я провожал Нину из школы, а дома мы ещё долго сидели с ней в прихожей, на чьём-то старинном сундуке.

Когда я объяснился Нине в любви и сделал предложение, то увидел у неё в глазах растерянность. Но мне отступить было некуда. Конец ремонта крейсера был не за горами, а там походы, боевая подготовка – когда ещё я выберусь в Мурманск и увижусь с ней?

На свадьбу собралась вся крейсерская молодёжь, веселились двое суток. В эти дни ещё две пары нашли друг друга. Продолжительность «медового месяца» мне определили в три дня. Но, пока корабль не отдал швартовые, каждый вечер после отбоя, когда команда ложилась спать, я бежал к школе.

Весь летний период корабли проводили в походах и полигонах боевой подготовки. Ночами отстаивались на якорях за островом Кильдин, а в Ваенге мы появились в конце июня, и мне посчастливилось проводить Нину в Ленинград. Когда поезд тронулся, горло моё сжалось, а глаза были мокрыми...

С этого дня все свои мысли и чувства мы доверяли бумаге. Писали друг другу почти ежедневно. Когда корабль приходил в базу, письма отправлялись и прибывали пачками. Ещё издали, подходя на шлюпке к трапу, почтальон кричал мне: «Товарищ лейтенант, вам 5 писем от Нины Сергеевны!»

Мои письма напоминали поэмы, они были рифмованы и дышали пафосом, как оды Гаврилы Державина. Иногда не брезговал я и плагиатом, используя слог Пушкинских писем к Наталье. Помогал и Щипачёв: *«Не знаю под счастливой ли звездой в завьюженном краю родился я, но если я чего-нибудь да стою, причиною Ты – любовь моя!»*

В конце июля крейсер пришёл в базу на навигационный ремонт, и Нина, предупреждённая заранее, приехала. Командир дал мне целых пять дней отпуска, а помощник командира крейсера – ключи от своей квартиры. Как мы провели эти дни, вечера и ночи, за меня оценил Арсений Тарковский: *«Свиданий наших каждое мгновенье мы праздновали, как богоявление...»*

К осени в новом деревянном доме из бруса я получил 12-метровую комнатку. В неё Нина выехала с нашей новорожденной – Наташей. Зимой комната отапливалась дровами, но всё равно наружная стена промерзала и была в инее. Наташа часто простужалась. Поскольку я был редким гостем в семье, все бытовые заботы лежали на Нининых плечах: воспитание дочери, топка печки, закупка продуктов, приготовление еды... Вода была в колонке на улице, дрова в сарае, по вечерам надо было отстоять очередь за молоком (0,250л). Без меня, Нина «выходила» у начальника политотдела сначала освобождающую комнату на втором этаже – там было теплей, а позже – большую комнату в каменном доме. Было свободно и уютно, а соседи стали друзьями на всю жизнь.

Но нас ожидало новое испытание: мой эсминец уходил на модернизацию в Северодвинск на три года. Я был помощником командира, затем старпомом, но пользовался тем же правом, что и другие офицеры. Отпуск в Североморск к жене получал раз в два месяца на 10 дней. Разлуки трудно переживались обоими. Но они были временем рождения многих моих лирических стихов. Одно из них называлось «Морячка»:

*Когда его впервые катер
Умчал на дальний рейд,
Она смущённо теребила платье,
Разлукою огорчена.
Длиннее сутки вдвое стали.
Детей учила в школе днём.
А по ночам, когда все спали,
С тоскою думала о нём.
Ей срок известен был, не скрою,
И до заветного числа
Листки трепещущей рукою
В календаре она рвала.
К ней на тетради между строчек
Ложился отсвет дальних звёзд,
Что за окном мигали ночью
Из мглы, как из пушистых гнёзд.
Она к Полярной неустанно
Взгляд устремляла вновь и вновь,
Как будто муж в трубу секстана
Мог прочитать её любовь...
С тех пор немало пролетело
Разлук и встреч. И серебро
В косах снежинками осело –
Их ветром жизни намело.
Но, не привыкнув к расставаньям,
Она, морячка, и сейчас
Ждёт мужа, словно на свиданье,
Как в тот, в далёкий, первый раз.*

По оценке командования, я был неплохим старпомом, потому что при возвращении в Главную базу, корабль досрочно с хорошими и отличными оценками сдал все боевые задачи. Я был отправлен в Ленинград на классы командиров. Но вскоре мы получили заключение медиков о нежелательности проживания нашей дочери на Севере. Я пожертвовал будущей должностью командира своего корабля и отправился на юг. А черноморский кадровик, мой однокашник, встретил меня словами: «Гера, а кто тебя здесь ждал?» – Но, всё-таки, дал мне корабль, хоть и поменьше рангом. Несколькими позже я получил большой корабль, потом крейсер.

Моя служба шла своим чередом. На новом корабле, на полигоне под Феодосией, я испытывал ракетные комплексы. И снова был вдалеке от дома. Опять, как встарь: раз в два месяца на 10 дней мы приходили в Севастополь. 5 вечеров и один выходной день я был с семьёй, остальное время принадлежало старшему помощнику.

10 лет на Севере и 10 – на Юге, а всего 20 лет корабельной службы! 20 лет расставаний и встреч! И каждая встреча – радость! И стресс?!

Помню, она поездом ехала из Севастополя в Ленинград, а я примчался из Феодосии (почти 3 часа на машине) на Симферопольский вокзал, чтобы увидеть и проводить её. Радость, душевный подъём, сердечное тепло охватили нас. Моя память до сих пор помнит все детали этих 20-ти минут. Эта перронная встреча произвела глубокое впечатление и на Нину. Уже из Ленинграда она мне писала: «Сегодня видела во сне Североморск, да таким сказочным городом! Белым, сверкающим, каким-то ледяно-хрустальным. Всё-таки я люблю Север потому, что встретила там тебя».

Служба продолжалась в Ленинграде – Нинином родном городе. В море я уходил теперь только летом со слушателями академии. Спокойный и полный благости период длился более 20 лет. Приобрели домик в садоводстве на реке Луга, каждое лето дочь с двумя сыновьями проводила у нас. Нина чувствовала себя счастливой хозяйкой. По семейным праздникам наш дом был полон родных и друзей. С ними мы отметили и 40-летие нашей с Ниной свадьбы. В отпусках много ездили. По приглашениям друзей побывали в Казахстане, Крыму, Москве, Нарве. Отдыхали в южных санаториях, катались теплоходом по Волге. Казалось, что так будет вечно.

Но, жизнь отрезвляет нас, показывая нам, что мы и сами-то не вечны. Нина заболела: инсульт. Я, как мог, утешал её: «Держись! Мы ещё 50-летие отметим!» И не соврал. Отметили. В узком семейном кругу – в обществе Наташи и внуков. А через два месяца моей морячки не стало...

8 лет я без неё – срок достаточный для того, чтобы объективно оценить нашу совместную жизнь и понять, что судьба была очень благосклонна ко мне. Мелкое и наносное ушло из памяти, осталось только значительное. Как писал Сергей Есенин: «Большое видится на расстоянии». В лице Нины жизнь преподнесла мне драгоценный подарок. Нам вместе было всегда хорошо. Нежность не покидала нас во взаимоотношениях, а случавшиеся порой конфликты угасали быстро. По-настоящему, я оценил всё это, когда её не стало. Но я уверен: придёт время и наши души будут вместе! И будут снова счастливы!

**Геральд БАСКО, капитан 1 ранга
г. Всеволожск, мкр Южный**

В 1958 году я вышла замуж и переехала со Всеволожской в Ленинград, к мужу. У него была комната в коммунальной квартире. Нашими соседями были эстонцы, мать с сыном, Нина Робертовна и Рудик. Отец Рудика погиб на войне в 1942 году. Рудик родился уже после его смерти, когда Нина Робертовна находилась в эвакуации. Домой они вернулись в 1945 году. Когда я с ней познакомилась, ей было около 40 лет. Несмотря на разницу в возрасте, мы с Ниной подружились и она часто мне помогала своими советами. «Пока люди живы, всё можно наладить», – говорила она. Однажды Нина пришла с работы и сказала, что у них на работе есть бесплатные путёвки на Валаам.

Володечка, родной, пусть нас рассудит Бог

Попасть на Валаам было моей мечтой, и вот наш теплоход «Алтай» подошёл к Валааму. Было 6 часов утра, организованных экскурсий тогда не было, и туристы до 18 часов были предоставлены сами себе. Мы погуляли по острову. Сходили на теплоход пообедать и снова отправились на прогулку. На пристани к нам подошел пожилой мужчина, вернее подполз, так как у него не было обеих ног ниже колен. На колени были прикреплены куски от автопокрышек, и он довольно шустро передвигался на этих «колесах». Мужик предложил нам за символическую плату покатасть нас на лодке. Мы согласились.

Через минуту наш гид уже показывал нам узкие проливы, отвесные, скалистые берега, каменные глыбы, напоминающие изваяния языческих истуканов. Я смотрела на главы собора, на шпиль колокольни и думала: «Когда-то здесь звучали колокола, созывая монахов к молитве, приезжали известные художники, композиторы...»

Мои раздумья прервало чихание мотора. Внезапно он заглох, и лодочка остановилась. «Бензин кончился!» – сказал лодочник, вытаскил малюсенькие, словно ракетки для пинг-понга, вёсла и погреб к берегу, лодочка зашла в бухту, и на берегу показались какие-то здания из кирпича. Наш гид объяснил, что здесь находится дом инвалидов войны, в котором он живёт. Высадив нас недалеко от дома инвалидов, сказал, что за ограду заходить нельзя, и показал дорогу, по которой мы минут через 40 должны добраться до пристани.

Дорога шла лесом, и вдруг – развилка. Направо – глухой лес, прямо – к освещённому солнцем открытому просторству. Мы пошли прямо и через несколько минут оказались на большой поляне: за низеньким штакетником, прямо нам земле, стояли раскладушки, а на них, под простынками, лежали люди. Между раскладушками ходили медсёстры в белых халатах, в руках у них были поильники с длинными носиками. Кто-то из лежавших протягивал руки, а кто-то ждал, когда носик поильника коснётся его губ. Здесь были несчастные калеки, кто без рук, кто без ног, а некоторые «самовары» – без рук и без ног. Совсем рядом с нами, у штакетника, лежал такой «самовар», под простыней обозначался огромный, как гора, живот. Короткие светлые волосы торпорщились над закрытыми глазами. Толстое, красное, как кусок сырого мяса, лицо блело от пота.

Подожла медсестра с поильником, и человек открыл глаза. Большие, голубые глаза с ожиданием и обречённостью смотрели на неё. И вдруг страшным голосом, от которого у меня всё задрожало внутри, закричала Нина: – «Володя! Володечка! Родной!..» и рухнула на траву. К ней подбежал мужчина в белом халате и стал приводить её в чувство.

Когда Нина очнулась, то инвалида, в котором она признала Вольдемара Рихардовича, уже не было. Его увезли, а на этом месте стояла раскладушка с другим человеком.

– Вы ошиблись, – убеждал Нину врач. – У нас в списках нет Вольдемара Рихардовича Трумма. Вы ошиблись, – ещё раз повторил он.

– Сейчас вас проведут к теплоходу. Откуда-то появился мотоцикл с коляской, которым управлял милиционер. Он помог нам забраться в коляску и рванул к пристани.

Через 10 минут мы были у теплохода. Обратный путь был длинен и тягостен. Нина то плакала, то причитала: «Володечка, родной, как ты мог меня оставить». – Потом говорила: «Господи, ну и дура! Ведь там был совсем непохожий человек!»

Вернувшись домой, Нина стала ещё более замкнутой и задумчивой, говорила, что нужно ещё раз съездить на Валаам, пойти, узнать. Но путёвок больше не было, и Нина решила поехать на Валаам через Сортавалу, но нужен был пропуск, а ей никто его не давал.

Наступила зима, и Нине ничего не оставалось делать, как писать письма в дом инвалидов на Валааме. Ответы приходили одинаково сухие, бесстрастные: «На ваш запрос сообщаем: В. Р. Трумм не значится в списках... Главный врач...»

Время шло, и весна на подходе. В мае Нина сообщила, что снова появились путёвки на Валаам. И Нина поехала. В дом инвалидов она не попала, но одному инвалиду-лодочнику передала письма для Володи. Она мне показывала это письмо и хотела его зачитать, но мешали слёзы, да и я сама сквозь слёзы его читала и хорошо запомнила: *«Володечка, я знаю, это был ты. Я люблю тебя, я счастлива, что ты жив, мне такое счастье только снилось. Ты мне нужен любой, я буду с радостью и с благодарностью судьбе ухаживать за тобой, буду твоей женой, матерью, сиделкой, буду твоими руками и ногами, а ты для меня будешь всем на свете – солнцем, светом, теплом, радостью. Только не уходи, не скрывайся под чужим именем. У нас с тобой такой хороший сын – Рудик, он так похож на тебя! Ответь мне, напиши, что ты согласен вернуться домой. Я вновь тебя обрела и не хочу с тобой расставаться ни на один день, буду жить только для тебя. Твоя Нина».*

Ответа на письмо она не получила. Рудик знал, что Нина ищет его отца, но считал, что мать ошиблась. Прошло несколько лет, мы приобрели отдельную квартиру и расстались с соседями. Однажды нам позвонил Рудик и попросил о встрече по очень важному делу. Вечером Рудик прикатил к нам.

– Я хочу с вами посоветоваться. Что мне делать? Пришло письмо, адресованное маме, но, увидев обратный адрес, я его вскрыл и прочёл. Вот оно: *«Ниночка, Рудик, мои единственные, мои дорогие, я не могу сам писать, пишет мой друг. Я, Ниночка, получил твоё письмо, тебе отвечали, что такого нет и не было, я сам просил об этом. Я не мог повиснуть на тебе ярмом. Я мысленно кричал тебе: «Нина! Я жив! Я люблю тебя и хочу к тебе! Но я, несчастный калека, обрубок, должен знать своё место, а оно здесь, на Валааме. Это страшно – быть от вас вдали, но ещё страшнее увидеть в твоих глазах раскаяние. Вероятно, это письмо я тебе не пошлю. Его отправят, когда меня не будет. Твой Вольдемар».* И приписка: *«В. Р. Трумм скончался от кровоизлияния в мозг 15.04.68 г. и похоронен на местном кладбище. Друг Вольдемара».*

– Что делать-то? – спросил Рудик. – Не надо показывать письмо матери. Береги её. Это письмо будет для неё ударом, который она может и не выдержать. Ну а сам съезди на могилу отца, поставь свечку в церкви – или как там у вас, у католиков, принято поминать. Сходи в костёл на Ковенском и узнай.

Рудик всё так и сделал. Правы мы были или нет? – Бог рассудит.

Е. Г. ГРУДИНКИНА, г. Всеволожск